

ИНСТИТУТКА: АВТОПОРТРЕТ В СОВЕТСКОМ ИНТЕРЬЕРЕ

Дефицит искренних дневников советских граждан — одно из частных проявлений тотального дефицита, свойственного советскому периоду российской истории. Причины этого дефицита общеизвестны: политическое и идеологическое устройство тогдашнего государства. Д.П. Кончаловский справедливо отмечал: «Если участники или наблюдатели советской жизни и вели записи событий в форме дневников (что было в высшей степени рискованно), то мало шансов, чтобы эти записи сохранились. Лично я не вел своего дневника; описывать события в моем антибольшевистском преломлении было опасно в случае обыска, который был всегда возможен: риск был в данном случае не только для меня, но и для лиц, которых я упоминал бы в моем рассказе»¹. Между тем благодаря публикациям в последние полтора-два десятилетия некоторых сохранившихся дневников, которые вели, так сказать, нелояльные советские граждане, оказывается возможным к этой справедливой в общем характеристике добавить некоторые нюансы, ее отчасти корректирующие.

Прежде всего можно более или менее локализовать во времени такие дневники: их прекращают вести (если не вовсе уничтожают) на переходе («переломе») от 1920-х к 1930-м гг.², что объяснимо расширением с начала 1930-х репрессий, сопровождавшихся обысками; с декабря 1934 г. репрессии уже приобрели массовый характер (в связи с этим выглядит запоздалой (и явно преувеличенной) реплика Тынянова (в передаче В. Каверина) осенью 1937 г. «Я схожу с ума, — сказал он, — когда думаю, что каждую ночь *тысячи людей* (курсив мой. — В.С.) бросают в огонь свои дневники»)³. Редкие смельчаки и в 1930-е гг. продолжали фиксировать в дневниках свое нелицеприятное мнение о советской власти — таков дневник 1933—1940 гг. А.Г. Манькова (в предисловии приводится письмо Д.С. Лихачева от августа 1994 г.: «Я удивляюсь — какой Вы смелый. Ведь за такие дневники могли расстрелять. <...> лучшей передачи духа времени мы не знаем»)⁴.

Особый период для жанра дневника наступил с началом Великой Отечественной войны (и с окончанием войны — завершился). Минуя целый комплекс мотивировок, вызвавших к жизни поток, в частности, ленинградских блокадных дневников, отметим в данном случае одну. Если катастрофическое неблагополучие

¹ Кончаловский Д.П. Воспоминания и письма: (От гуманизма к Христу). Paris, 1971. С. 176.

² См., например: Куллэ Р.Ф. Дневник 1924—1932 гг. // Уроки гнева и любви. Л., 1990. Вып. 1. С. 2—11; Вып. 2. С. 12—28; Шитц И.И. Дневник «великого перелома» (март 1928 — август 1931). Paris, 1991.

³ Каверин В. Эпилог. М., 2006. С. 234.

⁴ Маньков А.Г. Дневники 30-х годов. СПб., 2001. С. 12 (впервые: Звезда. 1994. № 5; 1995. № 11).

жизни, претерпеваемое гражданином в довоенное время, имело *внутренние* причины, на которые указывать было смертельно опасно, то в период войны (и блокады) оно приобрело причину *внешнюю* — немецкий фашизм, который ненавидеть было не только не рискованно, но и полагалось. Осознанно или инстинктивно, люди не только не опасались фиксировать в дневниках мрачные детали повседневного существования, но и считали это необходимым сделать прежде всего для обличения фашизма.

Исследователями отмечен рост числа дневников с середины 1950-х гг.⁵, но и он не был долговременным.

Таким образом, знакомство с разнообразными аспектами жизни минувших времен, на которое обычно рассчитывает читатель дневников, в случае с дневниками советского периода разочаровывает — и ничтожным их количеством, и неадекватностью содержания реальным историческим обстоятельствам⁶.

Дневники Л.В. Шапориной — исключение из сказанного выше. Это не имеющий аналогов среди опубликованных на сегодняшний день дневников советского периода путеводитель абсолютно по всем аспектам жизни 1920—1960-х гг.: повседневному быту; умонастроениям интеллигенции, рабочего класса, крестьянства; политической истории и истории культуры — театра, музыки, живописи... Добавим к этому, что дневниковые записи начинаются еще в XIX в. и включают также и ретроспективные мемуарные фрагменты о событиях досоветского периода. И наконец: это дневники человека, которому чужда власть, правящая страной, и который на всем протяжении дневника (собственно, всей жизни) искренне пишет об этом.

Настоящее предисловие — несколько предположений о том, откуда произошли два таких феномена: человека и дневника.

Любовь Васильевна Шапорина (урожденная Яковлева) родилась 9 (22) декабря 1879 г.⁷ в Москве в дворянской семье⁸. О фундаментальности семейных традиций

⁵ «В них отражается сиюминутное восприятие исторического факта, события, явления. Но вот оценка его присутствует там не всегда. Да и дается часто с учетом самого разного рода посторонних обстоятельств, в том числе небезосновательных опасений, что их читателями окажутся нежелательные лица» (Аксютин Ю. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004. С. 11).

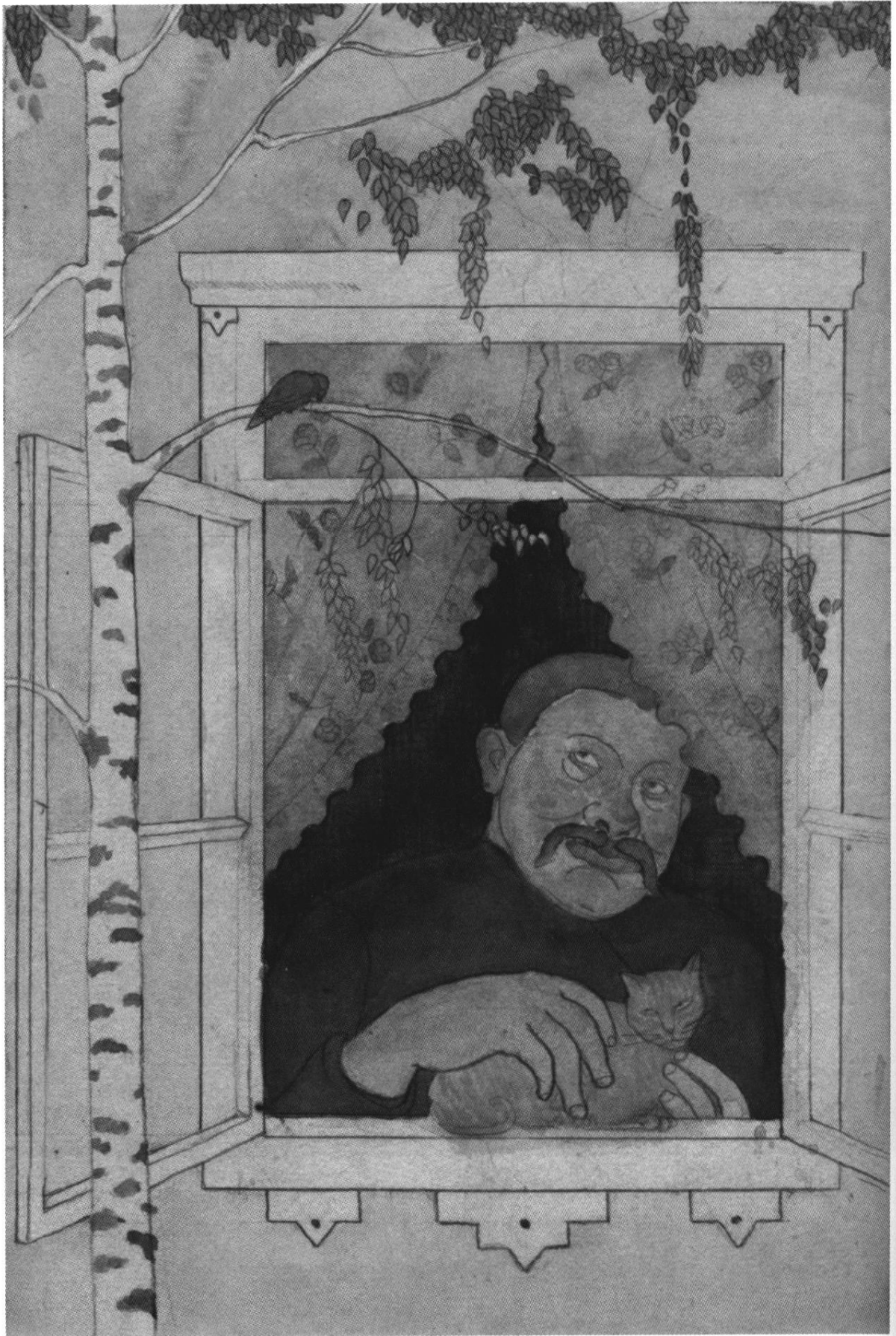
⁶ Об этом см., например: Шинкарчук С.А. Отражение политической конъюнктуры в повседневной жизни населения России // Российская повседневность 1921—1941 гг.: Новые подходы. СПб., 1995; Фицпатрик Ш. Повседневный сталинизм: Социальная история Советской России в 30-е годы: город. М., 2001.

⁷ Во всех сохранившихся документах, вплоть до свидетельства о смерти (самый ранний из них — виза на въезд с детьми во Францию от 28 октября 1924 г.: РО ИРЛИ. Ф. 698. Оп. 1. № 22), указана дата рождения: 1885 г.

⁸ Подробные биографические сведения о предках Шапориной и близких родственниках, выявленные в РГИА, ЦГИА Санкт-Петербурга и РГА ВМФ, см.: Носова А.Г. Л.В. Шапорина

Л. В. Шапорина.
Париж. Октябрь 1928 г.

Л.В. Шапорина. Иллюстрация к сочинениям
Козьмы Пруткова. Акварель. 1904 г.

1942

4 января. Уже новый год. Что-то даст нам он, и вообще, доживем ли мы до весны? Смертность катастрофическая. Встретили мы его все-таки с вином. Вася после всех своих криков просил меня не обращать на это внимания, и я пришла к ним со своим вином («выдали» перед этим) и кусочком хлеба. Тетка Марго принесла им тминного сыра, шумел самовар, и мы решили, не дожидаясь двенадцати, выпить чаю. Пили вино, чокались, пили за присутствующих и за отсутствующих и, главное, желали друг другу выжить, дожить до лучшего времени. Удастся ли это всем, неизвестно. Утешали себя предсказаниями Иоанна Кронштадтского о том, что 41-й год будет самым тяжелым⁸⁴⁵, а дальше будет лучше.

Положение с продовольствием в городе, по-видимому, все ухудшается. Вчера были большие перебои с хлебом, везде громадные очереди. Вася встал сегодня в 6 часов и пошел за хлебом. Вернулся к 8!

В магазинах не выдали за последнюю декаду декабря ни масла, ни крупы, не выдали конфет. Детскую крупу заменяли какой-то мукой. В столовых тоже слабо. Беляков сказал мне, что лучшая столовая в помещении Музыкальной комедии⁸⁴⁶. Я добилась в Управлении по делам искусств, после нескольких пешеходных хождений, двух пропусков туда для Васиной семьи. Была там сама вчера. Суп — вода с макаронами, которых очень мало, притом черные. Суп дается без вырезания карточек. Второе — гречневая размазня, ложки три столовых.

Со мной 1-го случилась катастрофа. С новыми карточками пошла в столовую. Темно, люди тащат друг у друга чуть ли не изо рта ложки, тарелки (в столовой и тарелок больше нет, украли). Сидели какие-то подозрительные парни. И у меня пропала карточка на мясо и крупу, т.е. то, чем я питаюсь в столовой. Если мне ее не возобновят, то это более или менее верная голодная смерть! В субботу раздобывала всякие справки, из жакта, из института. Ходатайство института завтра сдам.

1-го начал функционировать наш стационар, но в жалком виде. Удалось обогреть помещение бомбоубежища на двенадцать кроватей и бывшее детское отделение на семь. 1-го привезли из Дворца пионеров тринадцать чело-

век. Тринадцатый 2-го уже умер, — служащий Института Ал. Александрович Васильев, лет 60, от истощения.

Сейчас у нас лежат больные истощением, ослаблением сердечной деятельности д-р Банникова, д-р Торопский, Ф.Ф. Мильк, санитарки Кузьмина, Белошева.

Бедный Беккер до сих пор не похоронен. За гроб взяли полкилограмма хлеба и 100 рублей денег, за рытье могилы тоже.

Вчера его свезли на кладбище, но не похоронили. Я встретила Мар. Степановну, говорит, что поедут опять завтра на кладбище, и может быть, придется хоронить в братской могиле.

Вчера сидела в столовой Музкомедии, там столуется театр Радлова, Демени. За моим столом сидели две служащие из театра Радлова: «Знаете, сегодня умерли Лавровский и Михаил Иванович». — «Как, Михаил Иванович, он же вчера был в театре?» — «Да, а сегодня уже умер, совсем тихо...» и т.д. Все смотрят друг на друга с беспокойством — кто обречен?

В больнице не идет вода, не горит свет, дрова кончаются, керосина нет. Освещаемся маленькими коптилками, воду носят из дома напротив.

Вчера я сидела у Васи в комнате. В моей 2 градуса, и я все-таки сейчас сижу тут и пишу в шерстяных перчатках. Я сочиняла письмо зам. председателя Ленсовета Попкову, прося его (по примеру Толстых) дать Васе рабочую карточку.

6 января. Силы падают не по дням, а по часам. Стоило мне эти пять дней пробыть на одном хлебе и воде (тот бесталонный суп, который я получаю из Музкомедии — просто вода), как силы совсем упали. Утром я выходила на работу — дрожали ноги. В больнице было много дела. Четыре подкожные впрыскивания угасающим людям, присутствие на операции, беготня вниз и вверх, после чего я еле плелась домой. Пришла и завалилась на кровать. Угасает воля к жизни. Болит сердце.

Неужели не дотяну?

Встретила вчера на Саперном Верочку Белкину. Вениамин слег от истощения, и Вера устроила его в больницу Эрисмана. Там холодно, но там уход и все-таки три раза в день кормят. «Как я еще жива, не понимаю. Со Ждановки⁸⁴⁷ иду на Бассейную⁸⁴⁸, на уроки в Музтехникум, оттуда на Петроградскую в больницу, потом домой. Откуда берутся силы, не знаю». Белкин заболел, полный упадок сил, не поднять руки, глаза впали, кругом синева. Кормить нечем. Вера раздобывала, где могла, то конину, то кусочек шпика.

Носит в больницу поджаренный хлеб и что найдет. Сейчас ему гораздо лучше. Он стал очень религиозен.

Мы крепко расцеловались с Верочкой и друг друга перекрестили. Кто знает, увидимся ли. Умерла Е.С. Кругликова. Д-р Остроумов говорил, что вначале смертность мужчин составляла 93%. Сейчас процент умирающих женщин повысился.

Я эти дни делаю подкожное впрыскивание. Я была поражена худобой рук — одни мышцы и висячая дряблая кожа как у мужчин, так и у женщин. Лежит у нас Федор Федорович Мильк — наследник знаменитого оптика и сам оптик. Ф.Ф. Мильк дружил с Юрием Александровичем Гаушем, был чем-то вроде мецената. Обедал когда-то у нас в Детском. Истощение. Он безумно боится, что его выпишут, вчера умолял меня дать ему у себя какой-нибудь угол, у него есть дровишки, буржуйка. Его комната на четвертом этаже, нет ни воды, ни света, он абсолютно одинок. С женой развелся очень давно, для дочери он тоже чужой.

Из военных кругов оптимистические обещания: продержитесь еще десять дней. То же говорил сегодня Наташе д-р Фарфель. Она ходила с Катей к нему в Европейскую⁸⁴⁹, где организуется образцовый госпиталь; они поступают туда санитарками, т.е. хотят поступить.

Но в распределителях, т.е. магазинах, нет уже давно ничего. И у людей больше нет воли к жизни. Притулиться бы куда-нибудь и перестать существовать. И вот это состояние наступает катастрофически быстро в последней стадии голода. Мы так выголодались, что о ропоте, возмущении, поисках виновных в том, что не было запасов, что не направляют крупных сил на освобождение города или не сдают его, не может быть и речи. О немцах и не говорят. А они ежедневно нас обстреливают из дальнобойных. Варвары самые настоящие, и весь их расизм провалится как бред. 1871 год — осада Парижа⁸⁵⁰. Теперь блокада и уничтожение Петербурга — для чего?

Уже перемещение внимания⁸⁵¹ не помогает. Я ловлю себя на мечтах о завтраке с белыми булочками, ветчиной, шоколадом.

Вчера вечером прибрел Г. Попов. Света не было, так что я не разглядела его при моей копилке. Очень удручен, очень устал, Ирина плохо себя чувствует, в квартире ниже нуля, жить нельзя.

По улицам бродят люди с ведрами, по воду. Ищут воды. В большинстве домов не идет вода, замерзли трубы. Дров нет. У нас, к счастью, часто бывает вода, и сейчас вот горит электричество.

Писем ни от кого нет.

Идет снег. Все умрем, и нас засыплет снегом. Во славу коммунизма.

Уже 8 часов. Надо ложиться спать. А то тяжело. До завтрашнего хлеба.

12 января. Не записывала давно, т.к. холод выгнал меня из моей комнаты. Просто не под силу стало спать, а главное — вставать и ложиться при нулевой температуре. Сплю в общей комнате на двух креслах и <двух> стульях. Катя Пашникова вошла в комнату и усмехнулась: «Все здесь ваше, а вы на стульях спите». Я претензий не предъявляю. *Les misères de la vie*⁸⁵². Электричество не горит ни у нас, ни в больнице, нигде. Тока нет, трамваев нет, дров. Заводы стоят.

Sœur Anna, sœur Anna, ne vois tu rien venir? Но пыль не вьется по дороге, трещат сильные морозы до 30°, нас засыпает снегом, и мы мрем, мрем, говорят, чуть ли не по 10 000 в день. Страшно.

Вера, прислуга Кати Князевой, хоронила своего четырехлетнего племянника и рассказала: приезжают грузовики, один за другим, полные покойников. Голые, босые, с оскаленными зубами, открытыми глазами. Тошнехонько. Машинами роют траншеи, как на окопах, и туда сваливают всех этих мертвецов, не то что кладут, а именно валят без разбора и засыпают, это стоит 20 рублей.

Сегодня умер Мильк. Рассказ Сени Кулакова. Рассказ в канцелярии голубоглазой женщины о сыне и муже. Встреча 4 подвод. Условия работы в больнице. Пропуска обеда. Васино отношение. Я без обеда. «У нас уютно, тепло, а ты живешь как отшельник — нам ничего не сделала».

На душе тихо — может быть, предвкушение смерти. За Васю страшно. Из Смольного пока нет ответа. Предложила, не хлопотать ли об устройстве Васи в больницу, все-таки там кормят, а в столовых одна дуранда. «А карточки нам оставят?» — спросила Наташа и стала усиленно отговаривать Васю от этого.

Хлеб нам прибавляют за счет умирающих, смертников, как их называют.

16 января. Кажется, уже нет сил для наблюдений. Шла на работу, перед глазами темные круги. Больные у нас главным образом свои — доктора, медсестры, санитарки. Легла сестра Бутыльников. Изменилась она до неузнаваемости, лицо стало красиво и благородно. Огромные глаза, наполовину прикрытые веками, отвислые щеки исчезли. К ней приходит сын, мальчик 11 лет, очень красивый. Вероятно, ей надо было уехать. Не вынесла ни бомбежек, ни голода.

17 января. Вчера иду мимо Летнего сада. Деревья в инее пушистом и прекрасном. Навстречу человек лет под 40, худой до отказа, интеллигентного вида. Хорошо одетый, в теплом пальто с воротником. Нос обострился, и, как

у многих теперь, по тонкой горбинке носа кровоподтек лилового цвета. Глаза широко раскрыты, вываливаются. Он идет, еле передвигая ноги, руки сжаты на груди, и он твердит глухим дрожащим голосом: «Я замерзаю, я замер-за-ю».

На обратном пути из Ленторга⁸⁵³ (подробности...) шла через Марсово поле. Был пятый час, темнело. Пушистый иней розовел. Люди бежали в разные стороны. Меня обогнал молодой краснощекий матрос. Повернулся ко мне лицом, махнул рукой по направлению могил и озорно и громко: «Площадь жертв революции! Так твою распротак. Дожили! Площадь покойников!»⁸⁵⁴ Его догнали спутники, и они быстро исчезли в морозном тумане.

Да. Город покойников. «Колыбель революции» расплачивается за свою опрометчивость.

Пошла сегодня к Радлову просить третий пропуск. Его не было, но я встретила Анну Дмитриевну. Они живут уже с сентября в театре — дома выбиты все окна. При встрече я ей говорю: «Все время твержу ваши стихи: “Безумным табуном неслись года... Они зачтутся Богом за столетья...”»⁸⁵⁵. — «Да, но тогда, в начале революции, было легче, совсем не то, что теперь. И пока театр работал, притом работал блестяще, перевыполняя свой план было легко. Но в январе за отсутствием света театр закрыли. Люди в угнетенном состоянии, умирают. Восемь человек уже умерло в театре. Это страшно, и страшно, что искажается внутренний облик у людей».

Она торопилась в «Асторию»⁸⁵⁶, куда они получили пропуск на десять дней.

Умер живущий над нами Петя Азаров, муж Бэллы Вульф. Ему не было еще 30 лет. Сгорел в один месяц. Умер от истощения. «Не давайте сыну лежать, — сказала мне Бэлла, — Петя залежался, так говорит докторша». Я была потрясена и перепугана за Васю.

Шла по Халтурина. Не доходя до площади, увидела юношу в коротком полушубке, ушанке, валенках. Он стоял, прислонившись к стене дома, и, повернув голову, не шевелясь, смотрел вдаль по Миллионной⁸⁵⁷. Глаза его казались совсем белыми. В Ленторге я провела минут 10 в поисках концов своего дела — продолжения моего письма Попкову. Помещается учреждение в каком-то роскошном особняке на набережной, впотьмах везде поблескивает мрамор лестниц и колонн, в темной, деревом отделанной бывшей столовой с огромным камином при оплывающем огарке свечи сидят замерзающие барышни. Письмо мое получило положительный ответ, но распоряжение не дошло по назначению. Иду обратно. Против Эрмитажа по Халтуриной на

высоком крыльце лежит человек, вижу ноги в валенках. Около него два милиционера. «Надо его отвести в медпункт», — говорю я им. «Куда его вести, — говорит милиционер очень равнодушно, — он уже готов, надо убрать». Я вгляделась в лицо лежавшего: это был тот юноша, который здесь стоял полчаса тому назад. Шел снег, снег, снег. Площадь, набережная, облупившийся Зимний дворец, Эрмитаж с разбитыми окнами — все это кажется мне чем-то далеким и фантастическим, сказочным умершим городом, среди которого движутся, торопятся до последнего издыхания китайские нереальные тени.

В бытовом отношении жизнь становится все хуже. В столовые подбросили продуктов, дуранда исчезла, появились крупы, какие-то лепешки, супы с крупой. Котлеты же делаются из соленых кишок и прочих внутренностей, пахнут тухлым мясом, скорее треской. Дров в городе в плановом порядке нет. Доктор Остроумов мне заявил: белье будут менять раз в месяц, мыть больных нельзя — дров нет. Но если следить за чистотой, то вши не заведутся. (Вши завелись уже у троих, мажут теперь всякими мазями.)

Почта, комиссионный магазин, столовые, рассказ Мани Шабельской — умершая дочь — одеяло.

18 января. Начались пожары. Четверо суток горел дом на Пантелеймоновской, наискосок от разрушенного бомбой. Горят дома по всему городу, горит в Гостином дворе. В государственном плане не было заготовки дров. Трубы лопнули, воды нет, тушить нечем. Все топят буржуйки. Уборные не действуют. Продолжаю ходить во второе учбюро по распределению заборных книжек⁸⁵⁸. Начальник Лечидова, помощница ее Омельченко с невероятно зычным голосом. Обе — полуинтеллигентные, грубые до отказа. С 9-го числа хожу через день, вместо карточки второй категории (вместо моей рабочей — при восстановлении потерянной снижают категорию) мне подсунули третью категорию, иждивенческую; напутали и теперь глумятся надо мной. «Убирайтесь к черту», — кричит Омельченко. «Работница хоть облает, но поймет», — говорит Лечидова, и обе приходят в ярость, что я не лаю и продолжаю говорить спокойно. Воспитанность выводит из себя. Одна пожилая, очень милая дама просила разрешения больному зятю, работающему в порту, перерегистрировать карточки по месту жительства. Не разрешили. «Да иди некому, зять болен, при смерти, внук тоже болен, я не могу идти так далеко». — «Везите его в гробу!» — кричит Омельченко. Чувствуется ненависть к культурному человеку, зависть.